

K. Witczak. Indoeuropejskie nazwy zbóż. Łódź, 2003. 159 S.

Предметом настоящего исследования стал фрагмент индоевропейского словаря, представляющий названия зерновых культур. Терминология земледелия сохраняет свидетельства древних связей человека с природой, отражает контакты и взаимодействие разных культур земледелия на разных этапах развития индоевропейской общности. Автор видит свою задачу в том, чтобы выявить на материале названий зерновых культур особенности культурно-исторического развития отдельных диалектов не только в рамках индоевропейской языковой группы, но и на ностратическом уровне, поскольку в Европу земледелие, а вместе с ним и злаковые культуры пришли с Востока. Исследование, построенное на использовании традиционной методики палеолингвистики, школы “Wörter und Sachen”, опирается на достижения истории, археологии, ботаники и т.п. По данным археологии, истоки земледелия восходят к VIII тыс. до н.э. Автор разделяет мнение исследователей о движении с Востока на Запад как основном направлении миграции индоевропейских племен. Восстанавливаемые по совокупности данных, предоставляемых археологией, палеоботаникой, пути продвижения культуры земледелия и злаковых культур с Ближнего Востока в разные области европейской территории служат показателем миграций индоевропейских племен из Передней Азии. В первых двух разделах работы автором кратко обозначены полученные разными науками результаты в исследовании этой большой темы, освещаются вопросы, связанные с локализацией ностратической прародины на Ближнем Востоке, характеристикой основных очагов земледелия в эпоху неолита на территории Малой Азии (центры восточносредиземноморский, северносирийский, южно-восточноанатолийский, южноанатолийский, от северного Ирака до юго-западного Ирана, закавказский). Уже в VII тыс. до н.э. в связи с миграциями индоевропейских племен с Ближнего Востока земледелие проникло на европейскую территорию, сначала в Грецию, а в VI–V тыс. до н.э. на Балканы, в V тыс. до н.э. возникает центральноевропейский очаг земледелия. Наименее изучен восточноевропейский степной центр земледелия, развитие которого в середине III тыс. до н.э. протекало под сильным влиянием земледелия, которое сложилось на Балканах и Кавказе. В широком культурно-историческом контексте решается проблема прародины индоевропейцев. В ностратическом пространстве исходной для индоевропейцев была территория Анатолии, именно здесь был один из центров земледелия, здесь шло формирование индоевропейской народности. С учетом достижений современной науки вслед за другими исследователями автор определяет все остальные ареалы, принимаемые за индоевропейскую прародину (Балканы VII–VI/V тыс. до н.э., Восточная Европа, а точнее бассейн Буга и Днепра VII/VI и первой половине V тыс. до н.э., центральноевропейский ареал VI/V–V/IV тыс. до н.э., причерноморские степи VI–IV тыс. до н.э.) как территории вторичного заселения, ставшие центром кристаллизации отдельных ветвей индоевропейского праязыка. Так, причерноморские степи, определяемые М. Гимбутас как прародина индоевропейцев, являются той территорией, на которой шел процесс кристаллизации одной из ветвей индоевропейского праязыка – индоиранской группы. Вопреки мнению М. Маньчака, бассейн Одера и Вислы не был той территорией, на которой происходила кристаллизация индоевропейского этноса. В действительности в этом ареале сформировалась вторичная индоевропейская общность с характерной для нее общей лексикой и ономастикой, археологически она отождествляется с культурой воронкообразных кубков (около 4500–2700 гг. до н.э.) или с комплексом культуры шнуровой керамики (около

3200–2300 гг. до н.э.). Автор убедительно показывает, что в противоречии с данными языка и этнографии находится вывод М. Гимбутас о пастушеско-кочевом образе жизни индоевропейцев. Основу экономики индоевропейцев составляло земледелие, скотоводство никогда не существовало в чистом виде, оно существовало с земледелием. Одно из наблюдений автора касается положения и рода занятий индоиранских племен, рано, еще до начала земледелия отделившихся от ядра индоевропейцев. Не оставляя земледелия, индоиранские племена продвинулись в приручении и одомашнивании лошади и вели образ жизни, близкий к пастушеско-кочевому. Индоиранские языки частично выпадают из общеиндоевропейской номенклатуры, связанной с земледелием, при этом отмечается, что в отдельных языках этой группы (в осетинском на Кавказе и аланском до XVII в. в Венгрии) представлены термины, неизвестные другим индоиранским языкам (с. 36).

Основная часть работы приходится на исследование названий отдельных названий зерновых культур: названия хлебных злаков (*Frumentum*), ячменя (*Hordeum L.*), овса (*Avena L.*), проса (*Panicum L.*), пшеницы (*Triticum L.*), ржи (*Secale L.*), зерна (*semen, granum*). Работа состоит из однотипно построенных этюдов, в каждом из которых сообщаются следующие сведения: 1) ботанические и экологические сведения об изучаемом растении, принятая в ботанике классификация растений, 2) древнейшие свидетельства о культивировании растения в эпоху неолита на Ближнем Востоке, 3) реконструкция исходной формы, основанная на показаниях отдельных групп индоевропейских языков, 4) фонетический и семантический комментарий, анализ морфологической структуры слова, 5) этимология на основе индоевропейских данных, 6) лексические параллели из неиндоевропейских языков с обсуждением вопроса, является ли это сходство наследием ностратической эпохи, может ли идти речь об общекультурном термине или случайном сходстве, 7) краткие выводы. Итогом исследования стала стратификация индоевропейских терминов злаковых культур в плане ареальных связей. В составе индоевропейской номенклатуры растений выделены следующие пласты лексики: ностратическое наследие, отражающее связи индоевропейцев с носителями ностратических языков (ср. и.-е. **rughī-* ‘рожь’, сем.-хам. **rog-* ‘вид плохого хлеба’ и слав. **ръжьь*); и.-е. **yéwH₁os* ‘ячмень’, урал. **jüvä* ‘зерно, хлеб’ и рус. *овин*), “индохеттская” лексика (ср. анат. **Karaš-* ‘вид пшеницы’ ~ и.-е. **k'ers-* ‘просо’), древнейшие “бродячие” фитонимы, заимствованные из неизвестного источника отдельными индоевропейскими языками независимо друг от друга (ср. и.-е. **pūrós* ‘пшеница’ > рус. *пырей*), названия индоевропейского происхождения, в составе которых различаются: 1) слова, образованные в индоевропейскую эпоху от индоевропейских корней с помощью индоевропейских формантов (ср. и.-е. **wesH₂aros* > лит. *vasarójus, vasarojas* ‘яровые (хлеба)’, 2) редкие слова, неясные в этимологическом отношении (ср. и.-е. **d₁wah₂* ‘вид проса’ > лит. *dirvā* ‘вспаханная земля’, рус. диал. *депеви* ‘раскорчеванное место в лесу’), 3) слова, обязанные живым словообразовательным процессам индоевропейской эпохи, производные от слов с признаками терминологичности (ср. и.-е. **(s)pl-* > рус. *полба*), 4) слова ограниченного распространения (архаизмы или неологизмы), частично неясные, частично ясные в плане мотивационных отношений и в плане этимологии (ср. и.-е. **prok'om* > рус. *просо*). Обширную группу образуют неологизмы, возникшие в отдельных группах индоевропейских языков (ср. чеш. *obilí*, польск. *zboże*, рус. *хлеба*). Немногочисленны заимствования. В ходе миграций индоевропейцы на новой территории вместе с десигнатами заимствовали и названия (ср. польск. *orkisz* ‘вид пшеницы или ячменя’ из тур. *urküş*).

В заключительной части работы автор предлагает анализ семантических изменений в сфере названий злаковых культур. Лексический материал не позволяет точно установить, с каким видом растения соотносится тот или иной термин. Разными причинами вызвано изменение первоначального значения – исчезновением того или иного вида растения, функциональным сходством десигнагов, переменах в методике выращивания зерновых культур и т.п. Тем не менее автор выделяет пласт лексики со стабильной семантикой (ср. и.-е. **awig*- ‘овес’, **séH₁mŋ*- ‘зерно’ и т.д.). Основываясь на признаках типологического сходства, в ряде случаев автор пытается отграничить вторичные значения, семантические инновации (ср. и.-е. **pūrós* ‘пшеница’ > ‘сорняк, пырей’ в др.-прусс., англ., слав.). Заметим, что О.Н. Трубачев предполагает для **pūrós* связь с и.-е. **pūr*- ‘огонь’ на том основании, что именно невымолачиваемая пшеница-полба требовала дополнительного просушивания *на огне* (Трубачев 2003, 232–233). В работе намечены основные направления семантических изменений: ‘зерно’ > ‘хлеб’, ‘зерно’ > ‘пшеница’, ‘зерно’ > ‘ячмень’, ‘зерно’ > ‘овес’, ‘плод’ > ‘хлеб’ > ‘вид хлеба’, ‘весна’ > ‘яровые’ > ‘хлеб’ и т.д.

В небольшом по объему исследовании впервые в систематизированном виде с максимальной полнотой представлены названия злаковых культур во всех группах индоевропейских языков, в том числе и в славянских языках. Вполне естественно возникает желание выяснить, какое место занимают славянские названия злаковых культур в общем контексте индоевропейских связей. По характеру связей с языками Средиземноморья, с языками германской и балтийской групп можно судить о том, какими путями шло продвижение земледелия, в контакте с какими народами осваивались славянами техника обработки земли, орудия, зерновые культуры. Эти важные для нас вопросы остаются за рамками исследования В. Витчак. Между тем более детальное рассмотрение славянских названий злаковых культур в составе индоевропейской терминологии позволяет затронуть вопросы общеметодологического характера. Путь к систематизации всего индоевропейского материала лежит через детальную проработку терминологии отдельных языковых групп. При более внимательном изучении славянского материала оказывается, что в некоторых случаях к древнему слою лексики отнесены явления явно вторичные. Так, автор связывает с продолжениями и.-е. **dǵʰwah₂* ‘вид проса’ (др.-инд. *dūrvā* ‘вид проса, Panicum dactylon’, вал. *drewg*, брет. *draoch, draok, dreok* ‘Lolium termulentum L.’, англ. *tare* ‘сорняк’ и т.д.) этимологически не связанные между собой рус. диал. *деревкí* ‘расчищенное под пашню место в лесу; подсека’ и лит. *dirvá* ‘пашня, нива’, лтш. *druva* ‘пашня’: балтийские образования традиционно соотносят с продолжениями слав. **der*- ‘драть’, а русский диалектизм имеет структуру производного от *дерево*. К возможному отражению “восточноазиатского бродячего слова” с исходной и.-е. формой **priyangu*- ‘вид проса’ относится рус. диал., укр. *прѣда* ‘дикое просо, Setaria viridis Beauv.’, с чем трудно согласиться, поскольку у восточных славян это отлагательное образование является узколокальным поздним обозначением растения, волокна которого использовались при прядении.

К терминам обработка земли, ограниченным в своем распространении индоиранскими языками, отнесены продолжения и.-е. **kers*- или **k^hers*- ‘скрести, царапать, пахать’: др.-инд. *kṛṣati* ‘пахать’, *karṣati* ‘волочить, бороновать, пахать’, авест. *karš-* ‘волочить, тянуть, пахать’ или лит. *kařti* ‘расчесывать, чесать’ (с. 35). Как замечает автор, на остальной индоевропейской территории однокоренные лексемы утратили связь с земледелием. Позволим не согласиться с этим положением. В славянских диалектах в функции термина подсечного земледелия, обозначающего подсочивание деревьев, т.е. подрезание коры с тем,

чтобы дерево подсохло, находим гл. *čьrxlati, образование с *l*-суффиксальным, производное от гл. *čьrxati, представляющего собой результат имперфективации первоначального гл. с основой *čьr-, расширенной *-s* с закономерным переходом *s > x*: ср. ст.-польск. *czyrchlić, czyrślić* 'ободрать кору около пня, чтобы дерево засохло' (1403 г., Мазовия), более поздние *czerchlić, oczerchlić* с тем же значением, польск. диал. *czerchlić* 'корчевать', *oczerchlić, obcyrklić, obcyrlić* 'снять кору с дерева, чтобы оно засохло', слвц. диал. *črchlit'* 'срубить, срезать дерево', *črchlit'*, *čršliť* 'корчевать лес', отсюда – ст.-польск. *czyrśl* 'лес, в котором высохли деревья после подрезания коры' (1407 г.), польск. диал. *cyrła, cyrchła, cyrkła*: *cerkła* 'поляна, возникающая на месте высохших и срубленных деревьев; луг в лесу', а также словац. диал. *črchlisko, črchl'isko* 'поле, полученное путем корчевания леса', с.-хорв. стар. *Crhla*, название села и т.п. (SP 2: 161, 248; ЭССЯ 4, 147).

В своем исследовании автор выявляет разную хронологическую глубину изучаемой терминологии, уделяет особое внимание связям с неиндоевропейскими языками, тем самым демонстрирует преемственность и непрерывность в развитии культуры земледелия, зародившейся на ближнем Востоке.

Л.В. Куркина

В.А. Маслова. Истоки праславянской фонологии: Учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Книга состоит из предисловия, введения, двух разделов, делящихся на главы и подтемы, заключения и дополнений. Книга снабжена добротными указателями (именным, предметно-терминологическим, слов и некоторых их форм).

В авторском предисловии заявлено, что в центре внимания данного учебного пособия находятся *фонетические процессы* протославянского диалекта позднего праиндоевропейского языка. Фонетические процессы протославянского диалекта описаны в пособии на фоне подобных процессов в других диалектах праиндоевропейского языка. *Архетипы реконструированы на основе закономерных звуковых соответствий*. Реконструкция архетипов и фонетических процессов дается с учетом различных научных концепций, степени типологической вероятности и признания неединственности лингвистических решений.

Во введении автор разделяет концепцию О.Н. Трубачева и рассматривает индоевропейский праязык как фон и предысторию праславянского, который представляет *свою собственную эволюцию индоевропейского лингвистического типа, отличную от балтийской*. Исходя из этой концепции "самобытного генезиса праславянского в качестве индоевропейского диалекта (или группы диалектов)", автор полагает, что *истоки фонологической системы праславянского языка образовались в протославянском диалекте праиндоевропейского языка*. Здесь же рассматриваются термины лингвистическая реконструкция, внешняя и внутренняя реконструкция, архетип, относительная хронология.

Автор не берется точно датировать появление или выделение протославянского диалекта из индоевропейского праязыка ввиду собственных непрерывных индоевропейских истоков славянского. Тем не менее, с учетом особых древних языковых контактов протославянского с палеобалканскими и пралатинским диалектами, можно говорить о III–II тыс. до н.э. как времени бытования протославянского диалекта.